•

Григорий СЫРНИКОВ
ЯЧЕЙКА

Комсомолу семьдесят лет. Парадоксальное словосочетание. Столь солидный возраст никак не вяжется с образами молодых парней и девчат, запечатленный в документах нашей эпохи. Но это так.

Путь длиной в семьдесят лет был сложным, горестным и счастливым одновременно. И те, кто стоял в начале пути, кто остался живым, пройдя через все беды, выпавшие на долю нашей страны, сейчас пишут в анкетах — ветеран труда, ветеран войны, ветеран комсомола, ветеран партии. Ветеран. Только его глазами мы можем увидеть то время таком, каким оно было. О периоде становления комсомола рассказывает Григорий Львович Сырников, возглавлявший в 20-е годы одну из первых сельских ячеек. В 1930 году он был избран секретарем Белозерского райкома ВЛКСМ, вступал в партию. Участник Великой Отечественной войны Г. Л. Сырников сейчас является заместителем председателя Курганского областного Совета Ветеранов

1

Собрание

У высокого крыльца нардома секретарь комсомольской ячейки Гришка Левтеев, выжимая из «тальянки» всю душу, наяривает «Камаринскую». Его брат Митька, по прозвищу Тюмень, трамбует снег тяжелыми резиновыми галошами, надетыми на пимы для форсу, и громко выводит:

Рита-туриха коров пасла.

Увидала в табуне козла…

Подошел учитель Чистяков Валентин Данилович. Не вынимая рук из карманов отороченного серой мерлушкой черного полушубка, молча слушает ребят. А потом просительно:

— Комсомольцы и приглашенный актив бедноты, заходите в нардом, пора начать комсомольское открытое собрание.

Все гурьбой полезли в избу.

В нардоме тепло и светло. На видном месте у стены сели приглашенные ветераны гражданской войны Евстаха Лесников, Нестор Федотович, Насонов Иван. Они пришли на собрание, подчеркнув этим свое уважение к созданной на селе комсомольской ячейке.

Костя сел рядом с Чистяковым за столом президиума и ведет регистрацию прибывших.

Палька, глядя на них, весело комментирует:

— Валентин у нас, что те трефовый король, а Костя бубенный.

Чистяков откликается:

— Пелагея, мы еще жидковатые валеты, а ты сразу — короли!

Когда смех в избе стих, он начал говорить о затруднениях с хлебом в стране. О необходимости перевода отсталого сельского хозяйства единоличного крестьянства на социалистические рельсы, о коллективизации.

Для всех нас это казалось чем-то неведомым, недоступным.

— А как будем объединять в коллективы, добровольно или?.. — спросил Костя и замялся, не находя слов: «А как еще может быть?»

Иван Насонов пробасил:

— Договаривай, чего испугался. Нажиму боишься? А в этом деле без нажиму не обойтись!

— Я думаю, и без принуждения, крестьянин сам поймет выгоду

коллективного труда, — вставил Чистяков. — Ленин говорил: «Чтобы крестьянин на собственном опыте убедился в преимуществе коллективной формы, без принуждения».

Но Евстаха Лесников поддержал своего друга:

— А где у нас этот опыт? Пока мы его иметь будем много воды утечет. А в районе о сплошной коллективизации поговаривают.

— Вон от соседних сел к коммуне Ленина лучшие пашни отрезали, чтобы мужик в коммуну шел, — продолжает басить Иван. — И нам надо так же всем селом в коммуну и больше делать, чем языком чесать. Слово-то хорошо, но узда надежнее.

Увидев, что тянет руку первый бездельник и выпивоха Ванька Шин, Палька ехидно подначивает его:

— Что, Шин, видать, тоже в коммуну лыжи навострил?

— Я, конечно, за коммунию, там, говорят, обеды общие, за так дают. И одежда бесплатная.

Серьезный Лесников встал, взмахнул рукой, мол тихо, и говорит:

— Вот я всю гражданскую штыком и шашкой торил дорогу к социализму. Казалось, все просто. А до дела дошло — задумался, По-честному скажу, что не знаю, Ваньку ли слушать и собирать мужиков силком в коммуну, или Чистякова, чтобы все было по-добровольному. Наших-то чалдонов нелегко оторвать от дедовской пуповины. Это же надо понять.

— А что тут понимать, — отвечает Нестор Федотович.

— Вон Насонов об узде говорит, А где узда, там кнут.

— Дай Ваньке волю, он захочет боле! — крикнул кто-то из задних рядов под одобрительный смех ячейки.

— На словах-то мы все за демократию, а как до дела дойдет, за кнут и беремся, — режет свое Насонов.

Долго шел спор. Надо было все взвесить, обдумать. Ведь шли нетореной дорожкой в новую, еще никем не ведомую жизнь.

За полночь единогласно приняли предложение докладчика:

1. Одобрить линию партии на коллективизацию,

2. Всем комсомольцам вступить в колхоз «Бугорки» и заразить молодым энтузиазмом всех членов артели,

3. Рекомендовать в правление колхоза: секретаря ячейки Гришку Левтеева и его зама по ячейке и сельсовету Саньку Камчугова.

2

Как Гриша Левтеев в районный актив безбожников попал

Шел 1929 год. В Пухово для усиления антирелигиозной работы

прибыл заведующий агитационно-пропагандистским отделом райкома ВКП(б) товарищ Тарасов, вызвал секретаря комсомольской ячейки Левтеева и говорит:

— Ну, «комсомольский бог», пошли в церковь. Как-то надо решать ваш спор с церковниками.

— Да, действительно дело затянулось, Молодежь требует церковь под клуб, а богомольцы нудят: «Не мешайте нам молиться», — пояснил обстановку Григорий.

Когда подошли к церкви, то услышали, как на церковной колокольне дежурившие по противопожарному делу комсомольцы Палька и Лиза под балалайку громко напевали частушки:

Поп наш Геннадий объелся оладий,
Не слазит с палатей, объединительно!
Объединительно! Объединительно!

— Это что еще за концерт? Так-то вы ведете антирелигиозную работу? Безобразие! За такое вас надо строго наказывать, — возмутился Тарасов.

Но, как говорится, беда не приходит одна. Санька Качугов и Колька Стеников ухитрились отца Геннадия напоить допьяна. Завалили его в двуколку-таратайку, как куль, и поехали по селу. Санька правит лошадью, а Колька сидит на попе и, дергая его за длинные волосы, голосит:

Поп наш благочинный
Пропил тулуп овчинный
И ножик перочинный.

Возвысив голос до самой высокой ноты, хором выводят:

Непростительно!
Непростительно!
Опьянительно!

С таким-то концертом подкатили они совсем не вовремя к церковной ограде, Тарасов от возмущения — зашелся:

— Гнать! Гнать их из комсомола вместе с секретарем ячейки!

Григорий, столкнув Саньку, помог попу встать на ноги.

Оказавшись на земле, отец Геннадий, добродушно улыбаясь, пробормотал:

— Силком споили озорники, а теперь что? Я поп-расстрига.

И пошел шаткой походкой в церковную сторожку отсыпаться. А Тарасов, не слушая Гришку, бегом в сельсовет. С ходу вызвал по телефону секретаря райкома партии товарища Семенова. Сгустил, как водится, краски об извращении антирелигиозной работы, убедил его немедленно рассмотреть этот вопрос на бюро райкома партии.

Так нежданно-негаданно в канун чистки партии на Гришу свалилась беда: нести ответственность «за извращение линии партии по антирелигиозной пропаганде», А что сделаешь, коли все факты налицо, Вечером собрался в Совете актив.

— Да что это за напасть такая, было бы за что, а тут в «чужом пиру похмелье», — возмутился секретарь Совета Костя и взялся помочь составить план оживления безбожной работы по-настоящему, без перегибов.

— Я с учительницей Наташей буду готовить диспут с попом на тему «Есть ли бог?» и что религия есть опиум народа.

И записал это первым пунктом плана, А добросердечная Улита Максимова вносит еще предложение:

— Заодно проведи и спор с табачниками и пьянчугами о вредности табака и водки.

Костя удивился:

— Ты же сама куришь и водкой не брезгуешь?

— Вот потому-то и надо спор учинить, худо это или добро? Оно, коли постоянно будем о том спорить, может, и до нашего ума дойдет, А так-то разве бросишь эту отраву? — чистосердечно призналась Улита.

— А мы давайте в пустом здании белозерского магазина клуб безбожников организуем, — внесла предложение Шура Меньшикова.

Ее поддержали главные виновницы — Палька и Лиза.

— Мы сегодня же там все вымоем и кое-чем обставим.

Нестор Федотович принес в ячейку газету «Красный Курган»:

— Вот читайте, перепишите на большой лист или фанеру и на стенку «Клуба безбожников» повесьте.

Шура берет газету и читает:

«Придет зима холодная,
Вздохнем мы от забот,
Наше времечко свободное
Пусть газетушка займет.
То дождливо, то нет дождичка.
Есть сомнение — есть ли бог?
Без гаэетушки «Безбожника»
Как сапожник без сапог».

(Дядя Гвоздь.)

На бюро райкома Гришка ехал не с пустыми руками, а с хорошо продуманным планом антирелигиозной работы на селе.

На заседании бюро после информации Григория о «великом переломе

всей антирелигиозной работы в с. Усть-Суерском» Тарасов вел себя не так уж агрессивно и даже проявил снисходительность, сказав:

— В проекте мы записали Григорию Левтееву строгий выговор в личное дело но, учитывая резкий перелом в их работе к лучшему, я вношу предложение оставить выговор без — занесения.

Так с выговором и целым возом антирелигиозной наглядной агитации, сидя на беседке ходка, секретарь Усть-Суерской (Пуховской) ячейки комсомола уехал домой ставить на научную основу борьбу с религией, И вез он в ходке весь районный запас агитации, который с охотой уступил ему Миша Полуектов, зачислив Гришку в актив районного совета безбожников.